

ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В НОВЫХ ГЕОПРОСТРАНСТВЕННЫХ ИЗМЕРЕНИЯХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРАЗИИ

© 2004 г. А. Богатуров

На фоне отношений России с Европой или странами Центральной Азии дальневосточно-тихоокеанское направление российской политики в последние пять–восемь лет в идейном и концептуальном отношении может показаться желанным островком “доброе старое” консерватизма. Революционных предложений не выдвигается, а если они случайно и “проскакивают”, то вскоре, по счастью, теряются, размалываемые об отрезвляющую рутину местных реалий и прагматику двусторонних и многосторонних отношений между странами региона.

Немного непривычный “ренессанс консерватизма” стал естественной реакцией России на “дипломатию прорывов”, которой злоупотреблял в 80-х годах М. Горбачев и которую завистливо перехватили у него руководящие Б. Ельцина. Правда, к середине 90-х и оно успело убедить: “прорывы” сопряжены с провалами, – малым, но ярким примером которых была “потеря” Северной Кореи, чуть не обернувшаяся к концу прошлого десятилетия полным вытеснением России из корейского урегулирования.

Вместе с тем объяснять осторожность российской дипломатии на дальневосточном направлении ссылкой на здоровые политико-психологические реакции недостаточно. Прагматичный консерватизм “дипломатии Путина” отражает специфику реальных приоритетов российской политики (не только и не столько внешнеполитических) на Дальнем Востоке (ДВ) – острейшее, но полускрываемое противоречие между соблазном ускоренной индустриализации и “маркетизации” (в упрощенно-бытовом смысле) российского ДВ и потребностями сохранения не формально территориальной целостности РФ, а фактической эффективности власти федерального правительства над дальневосточными регионами.

I

Предлагаемое рассуждение строится на нескольких ключевых тезисах. Первый состоит в

том, что **районы к востоку от Урала – Сибирь и Дальний Восток – стратегический резерв выживаемости России в XXI в.** В безусловном сохранении этого ресурса и обеспечении всех необходимых условий для использования его в национальных интересах РФ – объективно состоит главный смысл российской политики, независимо от того, какие политические силы (более националистические или более либеральные) будут ее формировать. Это положение, полагаю, может и даже должно являться основой общенационального консенсуса в вопросе развития – не только российского Дальнего Востока, но и всей Российской Федерации.

В то же время, приятно это или тревожно, анализ приходится строить с учетом второго тезиса: **Россия развивается в окружении других стран и народов, она глубоко вовлечена в мировые хозяйственные, политические и военные процессы, является частью международного сообщества, которое тоже считает ее своей частью.** Понимание принадлежности России миру в последние 15 лет крепко не только внутри страны, но и за ее пределами. За минувшее десятилетие вне России сформировался устойчивый взгляд на ее сибирскую и дальневосточную часть с позиций концепции “**общего достояния человечества**”¹. Смысл этой относительно непривычно “колющей” точки зрения в том, что ресурсы Сибири и Дальнего Востока – достояние не только России, но и всего мира. Чем наглядней неспособность российского правительства умно и эффективно управлять своим стратегическим резервом, тем пристальней внимание зарубежных стран – ближних и дальних – к сибирско-дальневосточным ресурсам и тем объективно сильнее соблазн “помочь” ей ими распорядиться “рационально” – вопрос в том, что каждый из пишущих вкладывает в это понятие.

Третий постулат по критериям либерализма звучит крамоллой: **принцип “чистого рыночного саморегулирования” отношений между европейскими и дальневосточными регионами Федерации противоречит интересам сохранения России**

БОГАТУРОВ Алексей Демосфенович, доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН.

¹ Из новых публикаций об этой концепции см.: Писарев В.Д. Глобальный биосферный кризис? // Международные процессы. 2003. № 3.

как единого государства и по ряду параметров может наносить ущерб ее национальной безопасности. Сохранение Сибири и Дальнего Востока в составе РФ было и всегда будет выглядеть “экономически нерентабельным” с точки зрения логики примитивной политической экономии “безгранично рыночного регулирования”, которое задавало тон российской политике в 90-х годах. Ни при каких вариантах экономической политики торгово-экономические связи между европейской и дальневосточной Россией (из-за чудовищных транспортных расходов) не будут дешевле, и в этом смысле “выгоднее”, чем трансграничная торговля Приморья с рядом лежащими Китаем, Кореей и, со временем, Японией.

Точно так же, как, по сравнению с поездками в Харбин, Пекин, Сеул и Ниигату, всегда будут заведомо убыточными перелеты из Владивостока и Хабаровска в Москву и Санкт-Петербург. Между тем без возможности регулярно совершать такие перелеты, немыслимо удержать единое российское “культурно-человеческое” пространство – сферу реального (а не только виртуального, как сегодня) общения людей из западных и восточных регионов России, живого непосредственного приобщения дальневосточников к культурным, историческим, духовно-символическим, наконец, архитектурным сокровищницам, расположенным в европейской части Российского государства. Без прямых контактов между жителями Востока и Запада России “вымывается” такой базовый фактор государственности как молодежные связи, выполняющие помимо политических и психологических, еще и важнейшие “бракообразующие” функции. С распадом таких связей или прекращением их воспроизводства рушатся родственно-семейные отношения, представляющие собой самую устойчивую, стабилизирующую политико-психологическую, семейную, основу прочности государства – ее “человеческое измерение”.

Понятно, что любой из трех тезисов, если его абсолютизировать, может завести в аналитический тупик. Нельзя игнорировать ни национальные интересы России, ни объективные тенденции международного развития, которым нет ресурсов (а часто и смысла) противостоять. Но стоит признать, что российские национальные интересы, в том, что касается Дальнего Востока и Сибири, *совпадают* с интересами международного сообщества *лишь отчасти и вторые во многом противоречат первым*. При этом отстаивать свои интересы Россия может главным образом с позиций “изнутри”, то есть при помощи ее собственной внешней политики, так как ее голос внутри действующих международных управляющих институтов слаб сообразно ослабшему ее совокупному потенциалу. Это создает **необходимость проявлять осмотрительность и избирательность во взаимодействии с внешним миром – более**

энергичными и лучше обеспеченными ресурсами политического влияния зарубежными партнерами. Данный тезис является четвертым.

Партнеры эти внимательно следят за ситуацией на российском Дальнем Востоке и вокруг него, делают свои теоретические и практические выводы. Подозревать их во враждебности к России оснований нет, собственно, как и в желании помогать ей укрепляться. Во-первых, не забыты времена “советской угрозы”, во-вторых, ослабленность России позволяет зарубежным партнерам добиваться от нее более выгодных экономических условий в торгово-хозяйственных связях. Это в равной степени относится к Китаю, Японии и наблюдающим за ними Соединенным Штатам. За минувшие полтора десятилетия иностранцы поняли важную тонкость: с местными властями дело иметь легче, чем с московскими бюрократами. А потому укрепление власти Москвы в восточных регионах – для зарубежных партнеров – знак тревоги.

На протяжении 15 лет “по возрастающей” правительству, научные и благотворительные организации зарубежных стран уделяют внимание россиянам, проживающим в восточных районах РФ, тамошним региональным властям, бизнесменам и общественным организациям. С точки зрения внутренней ситуации в России, сценарий ее нового “полураспада” и отделения сибирско-дальневосточных частей с повестки дня, кажется, по счастью, *практически снят*. Он *практически*, насколько можно судить, не принимался “в работу” и аналитиками в зарубежных странах, хотя повсеместно остается главным резервным сценарием долгосрочного прогнозирования.

За рубежом теоретические сценарии подобных версий развития событий продуманы тщательней и разработаны детальней, чем когда-либо раньше. Это вовсе не означает, что на Западе или в Китае существует заговор или серия заговоров, направленных на разрушение Российского государства. Если проанализировать западную и японскую аналитическую литературу 90-х годов, сомнений не останется: никакой сводной концепции “раздробления России” не существует. Полагаю, что таковой никогда и не было. Но были и есть базовые сценарии экономического, военно-политического и дипломатического поведения основных зарубежных игроков на случай “внезапной” независимости сибирско-дальневосточных территорий.

Разработки в этом ключе определяют дух, хотя и не букву, практически всех международных научно-исследовательских проектов, связанных с изучением ситуации на российском Дальнем Востоке. Материалами этих проектов, несомненно, необходимо пользоваться российским ученым и правительству; однако пользоваться избира-

тельно и критически, отделяя материал полевых исследований от выводов и заключений, окрашенных “политической корректностью”, переходящей в тенденциозность, делая собственные выводы из материалов собираемых при участии и финансовой помощи иностранных партнеров.

Впадать в мракобесие старой советской или новой воинственно-охранительной пропаганды не стоит. Никто не собирается силой захватывать куски российских территорий. В этом смысле, думаю, безопасности восточных регионов России ничто не угрожает. Но за рубежом серьезно собираются осваивать их ресурсы – причем, более серьезно, чем к тому расположено само российское правительство – стесненное в средствах, не желающее принимать на себя “слишком большие” обязательства перед населением восточных районов, колеблющееся между интересами различных групп отечественного и зарубежного бизнеса. Внешний мир, как на востоке, так и на западе от наших границ, подталкивает и будет еще более энергично подталкивать российское руководство к освоению ресурсов восточных районов Федерации, отлично понимая, что ввиду отсутствия у России собственных средств, освоение регионов к востоку от Урала автоматически означает увеличение здесь зарубежного участия.

Совместное освоение этих ресурсов – уже факт. Существует два комплекса стратегии освоения: мирный, постепенный, относительно безболезненный, геэкономический, который так или иначе осуществляется сегодня; и (тот, что мне лично представляется “мракобесным”) – геополитический, связанный с переделом территорий, распадом государств и ревизией границ. Первый совместим с сохранением Российской Федерации. Второй – лежит в запасниках, так как может осуществиться лишь в случае ее распада.

II

Программа политики Москвы на дальневосточном направлении, порожденная так называемым “новым мышлением”, складывалась в конце 80-х–начале 90-х годов на базе четырех основных постулатов:

- урегулирование региональных конфликтов и улучшение двусторонних отношений со всеми странами региона;

- радикальное улучшение экономической ситуации на российском ДВ и повышение уровня жизни дальневосточников;

- свертывание военного присутствия в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и пропорциональное наращивание экономического участия в хозяйственной жизни региона;

- вхождение в процессы региональной интеграции.

Осуществление этих целей было отчасти сорвано распадом СССР и сокрушительным эффектом “одичало-рыночных” реформ начала 90-х годов. Из четырех перечисленных задач удалось успешно осуществить только одну: большая часть региональных конфликтов была урегулирована, улучшились отношения Москвы с КНР и Сеулом, стали успешно развиваться связи с государствами АСЕАН и Тайванем. Хотя желанного сближения с Японией не произошло, однако ситуация здесь оставалась стабильной. Полной “катастрофой”, с дипломатической точки зрения, оказались лишь отношения России с КНДР, которые к концу 90-х годов дошли до “точки замерзания”. С 2000 г., в результате отказа Москвы от “примитивного антикоммунизма” дипломатии Ельцина–Козырева, они стали выправляться.

Оздоровление хозяйственной жизни оказалось сложнее. С приходом В. Путина федеральное правительство стало более последовательно, чем прежде, но не намного более успешно нащупывать пути к проведению на Дальнем Востоке курса, который одновременно учитывал объективные экономические процессы в регионе и позволял их использовать в интересах Российского государства.

90-е годы прошли под знаком самоустранения федеральной власти от ответственности за положение дел на Дальнем Востоке. Главным разрушительным последствием этого курса был отказ Москвы от субсидирования социально-экономической сферы региональной жизни, а затем – во многом и военно-оборонной инфраструктуры. Концептуальных обоснований этой политики было два. Во-первых, выдвинутая Горбачевым и перенятая у него Ельциным идея “замещения” военного присутствия нашей страны в АТР экономическим и политическим. Во-вторых, химера “самосозидающих рыночных отношений”, теоретически предполагавшая, что регионы Дальнего Востока, ввергнутые в стихию рынка, в интересах выживания сами найдут спасительные формулы экономических отношений, которые позволят им обходиться без дотаций Москвы, за счет изыскания “ресурсов на местах”, ускоренной перестройки региональной экономики и ее включения в хозяйственные связи с сопредельными государствами. Не входя в детальное обсуждение удручающих результатов такой политики, стоит сосредоточить внимание на диагнозе современной ситуации в регионе.

Главными для ее характеристики представляются три черты. Во-первых, за годы расцвета местничества эпохи “самоустранения” федеральной власти в регионе стихийно, но бурно и в “техническом смысле” успешно развивались микроинтеграционные тенденции. Их результатом стало фактически формирование мощных “теневых”

трансрегиональных отраслевых экономических комплексов, объединяющих компании главных, наиболее прибыльных отраслей регионального хозяйства с корпорациями соответствующих отраслей Японии, Китая и Кореи. Такие комплексы сложились прежде всего в сферах добычи морепродуктов, золотодобычи, производства леса, торговли подержанными автомашинами, а также, в меньшей степени, газа на о. Сахалин.

Во-вторых, формирование этих трансрегиональных комплексов происходило вне контроля со стороны федеральной власти, но в ряде случаев при неформальном участии региональной власти. Оно приняло форму создания полукриминальных транснациональных структур, состоящих из системы звеньев, связанных непосредственно с производством или добычей ресурсов, отделении от них значительной доли продукции, не подлежащей официальной регистрации, ее нелегальной доставке за рубеж и, наконец, сбыте ее там через легальные каналы торгово-посреднической сети иностранных партнеров. Зарубежные компании выступали исходными кредиторами деятельности российских частей конгломератов, источниками необходимой техники и технологии. Российские – отвечали непосредственно за производство неучитываемой продукции, ее доставку (контрабанда) за рубеж и административно-организационное “прикрытие” на всех участках российских составляющих этого цикла. К финансированию подобных начинаний вскоре подключились крупные московские банковские структуры, осознавшие доходность подобного полукриминального транснационального бизнеса.

В-третьих, с уходом Б. Ельцина новое российское руководство стало тяготеть к восстановлению рычагов управления дальневосточными регионами, хотя бы в ключевых вопросах развития. Оно предполагало добиться этого политическими методами, избежав финансовых затрат из федерального бюджета. Однако выяснилось, что такая формула реформы политики в отношении Дальнего Востока не работает. Либо Москва должна была вернуться к порочной практике тотального субсидирования дальневосточных регионов, либо ей предлагалось оставаться в роли бессильного наблюдателя за губернаторской вольницей, например в Приморье, и довольствоваться символической властью на Дальнем Востоке во всем, что выходило за прерогативы командования дислоцированными в регионе федеральными вооруженными силами.

К середине первого десятилетия нового века Москва, похоже, выбрала серединную линию частичного субсидирования дальневосточных регионов. Она не стремится восстановить полный контроль над ними, как это было в годы советской власти, но и не желает полностью брать на

себя их финансирование. Задача в том, чтобы встроить некоторый вариант “финансирования на паюх” – частично из федерального бюджета, частично и бюджетов регионов. Однако именно эта линия и порождает острейший конфликт между интересами московских политиков и дальневосточных экономических элит.

Хотя на российском ДВ давно появились свои миллионеры, региональные бюджеты – пусты². Основой реальной экономики региона были транснациональные комплексы, которые по большей части являлись нелегальными. Сбываемая за рубеж продукция не учитывалась, а значит, не облагалась налогами. Отсюда – и нищета краевых бюджетов, непомерно контрастирующая с признаками растущего богатства в частном секторе, разруха городских инфраструктур на фоне миллиардных доходов рыбпромышленной, золото- и лесопромышленных теневых структур. Задача наполнения региональных бюджетов и ослабления потенциального финансового бремени федерального центра оказалась, таким образом, равнозначна задаче “извлечения из тени” реальной экономики дальневосточных краев и областей. Не удивительно, что региональная теневая экономика сопротивлялась политике Москвы.

Ее явным “ответом” реформаторским усилиям федеральной власти было убийство в 2002 г. губернатора Магадана В.И. Цветкова. Хотя официальные версии загадочных смертей (в однотипных вертолетных катастрофах) двух других губернаторов ресурсопроизводящих регионов – в 2002 г. А.И. Лебеда (Красноярский край) и в 2003 г. И.П. Фархутдинова (о. Сахалин) – избегают допущений о спланированных преступлениях, российские и зарубежные аналитики пишут о связи смертей каждого из них с межкорпоративными противоречиями из-за ресурсов бокситов в Красноярском крае и схватке между рыбной и нефтегазовой мафией на Сахалине соответственно.

Полоса надвинувшихся выборов отвлекала внимание от проблемы вывода из тени дальневосточной экономики, прежде всего ее полувидимой транснациональной части. Но это – отложенный конфликт. Усиление власти президента В. Путина и его жесткая линия на вмешательство в дела бизнеса заставляют предполагать обострение противоречия между Москвой и регионами. Федеральная власть серьезно заинтересована в ужесточении налогообложения предпринимателей, укреплении за этот счет региональных бюд-

² Директор хабаровского Института экономических исследований ДВО РАН член-корреспондент РАН П.А. Минакир предельно осторожно формулирует диагноз ситуации, отмечая, что в регионе «не сложились легальные механизмы “улавливания” денег», огромные потоки которых непрерывно обращаются в каналах трансграничной экономической активности дальневосточных регионов России.

жетов и перекладывании на них возрастающей части ключевых жизнеобеспечивающих регионов функций.

Повторное избрание В. Путина президентом в марте 2004 г. “развязывает ему руки” для возобновления натиска на местный “криминально-транснациональный” сектор, который не желает легализации и уменьшения прибылей за счет выплаты налогов. Последний полагается на негласную поддержку региональной власти, представители разных уровней которой являются заинтересованными участниками теневого транснационального бизнеса. Таким образом, финансово-экономическая проблема наполнения региональных бюджетов оказывается связанной с эффективностью контроля федеральной власти над регионами, борьбой с транснациональной преступностью и преобразованием хозяйственной структуры на легальных основаниях – при этом с учетом не только корпоративного интереса частного бизнеса, но и отчасти задач повышения жизнеспособности всего социально-экономического и социально-политического организма РФ.

За минувшие полтора десятилетия правительству России не удалось решить главной задачи – добиться коренного улучшения экономического положения в регионе и повышения уровня благосостояния его жителей. Между тем политику в отношении дальневосточных регионов России необходимо переосмысливать с учетом новых геоэкономических и геополитических обстоятельств, которые все более существенно влияют на отношения между РФ и сопредельными государствами.

III

Прежде всего изменились геоэкономические измерения региональной ситуации. Под всхлипы о “невозможности интегрироваться в экономику АТР” российский Дальний Восток фактически “врос” в нее, как никогда, по крайней мере, с 1917 г. Региональная экономическая интеграция и транснационализация самым решительным образом захватили и встроили его в рамки объективно развивающихся в АТР хозяйственных процессов. Другое дело, что интеграция происходит совершенно не в тех формах, на которые в конце 80-х годов рассчитывали федеральные власти: процесс вхождения дальневосточных регионов в экономику АТР идет по совершенно непредвиденным сценариям и развивается вне контроля Российского государства.

15 лет назад политики предполагали компенсировать свертывание военного присутствия в АТР за счет наращивания в нем экономического влияния России. Российское военное присутствие на Тихом океане было на самом деле свернуто. Сокращение Вооруженных Сил, отказ от регу-

лярного маневрирования на океанской волне, бедственное состояние Тихоокеанского флота, прекращение военно-оборонного строительства говорят за себя. Россия сохраняет на Дальнем Востоке потенциал стратегического сдерживания, но не имеет возможностей для проецирования военной мощи традиционными средствами. Даже силы пограничных войск в дальневосточных районах неадекватны практическим задачам, которые приходится решать. Их мало и они слабы, чтобы пресекать систематическую контрабанду и нарушения российских границ, прежде всего морских. В годы, когда формулировалась идея свертывания военного присутствия ради ускорения интеграции в азиатско-тихоокеанские экономические процессы, никто в Москве подобную ситуацию и представить себе не мог.

Фактическая бесконтрольность российских границ в сочетании с ослаблением влияния федеральной власти на экономическую и политическую ситуации в дальневосточных краях и областях привели к тому, что, казалось бы, горячо желанная интеграция России в экономическое пространство АТР стала приобретать некоторые пугающие черты – такие, как неконтролируемая миграция и транснациональный криминальный бизнес. Проекты развития региона в начале 90-х годов строились вокруг заманчивых идей превращения Владивостока и Хабаровска в крупные международные банковско-финансовые, торговые и туристические центры, “утопающие” в зарубежных инвестициях – японских, южнокорейских и американских.

Реальность оказалась другой. Единственной страной, которая проявила неподдельный интерес к экономическому сотрудничеству с Россией, стал Китай. Но хозяйственное сближение с ним не могло привести к реализации красочных проектов модернизации Приморья и Приамурья по образцу Сингапура и Гонконга. У Китая не было ни нужных России инвестиций, ни интереса к индустриализации российского Дальнего Востока. Руководству КНР было выгоднее обеспечить сбыт в российских областях собственную промышленную продукцию, особенно ту ее часть, которая не могла “пробиться” на американский и японский рынки. Не менее важно для китайских партнеров было обрести в лице России поставщика ценных ресурсов – от древесины и экзотических видов сырья растительного и животного происхождения (корень женьшеня и рога маралов) до энергоносителей.

Одновременно китайские закупщики интересовались импортом российских вооружений, высоких технологий и отдельных видов высокотехнологичной продукции общего и двойного назначения. За 15 лет сформировался мощный комплекс российско-китайских экономических связей, зна-

чительная часть которых имеет военно-технический характер. Однако это лишь видимая часть айсберга, которая находится в центре внимания зарубежных и связанных с ними контрактами российских аналитиков. Есть еще и другая, менее заметная часть, но более значимая с точки зрения реальной ситуации на российском Дальнем Востоке в целом.

Торговля технологиями и оружием является основным вопросом для нескольких федеральных ведомств – военного, финансового, внешнеполитического. Но ни одно из них не отвечает непосредственно за обеспечение контроля над ситуацией в дальневосточных регионах России. Это теоретически – сфера внимания органов общего политического управления (Администрации президента), министерств экономического развития, внутренних дел, ФСБ и ...министерства чрезвычайных ситуаций. Между тем на уровне регионального анализа диагноз приходится формулировать другими словами. Политический смысл констатации заключается в том, что за минувшие полтора десятилетия экономически российский Дальний Восток превратился в часть интеграционного поля Китая или, говоря проще, в часть китайской экономики.

Такая формулировка способна задеть сразу многих коллег из аналитического сообщества – как либеральных “любителей” глобализации, так и нелиберальных сторонников дружбы с КНР (а значит – против США и глобализации). Выстраивается цепь “опшонирующих” объяснений происходящему. Во-первых, глобализация способствует интеграционным процессам во всем мире, противостоять им в лоб неразумно и в этом смысле ничего особенного с российским Дальним Востоком не происходит. Во-вторых, повседневная жизнь российских граждан в Приморье и Приамурье невозможна по текущим условиям в отрыве от тесных прямых связей с сопредельными странами, прежде всего с Китаем: людям надо есть, одеваться, торговать и зарабатывать деньги – например для того, чтобы хоть разок послать детей на знакомство с “Большой Россией”, которую они знают хуже, чем ближние китайские провинции. В-третьих, “макро-значение” отношений России с Китаем, в том числе политико-стратегическое, так велико, что альтернативу “вольной или невольной” дружбы с Пекином фактически найти невозможно – приходится мириться с экономической гегемонией Китая в российских регионах к востоку от Байкала. В-четвертых, присутствие китайского этнического элемента на российском Дальнем Востоке отражает невозможность промышленной модернизации региона без притока иностранной рабочей силы, из которой китайская является объективно наиболее

доступной и мотивированной к работе в условиях России³.

Все это так, спорить по существу ни с одним из приведенных аргументов нет ни смысла, ни желания. Пафос предлагаемого анализа не в призыве “противостоять Китаю”, а в неприятной констатации: интеграция России в экономическую жизнь АТР несомненно происходит, однако Россия вовлекается в эти процессы в роли пассивного субъекта внешних воздействий, мало влияя на процессы интернационализации хозяйственной жизни на своей собственной государственной территории. *Фактически за 15 лет произошло становление новых геоэкономических очертаний материковой Северо-Восточной Азии, причем геоэкономические контуры региона перестали совпадать с формальными государственными границами входящих в него стран таким образом, в частности, что российские Приморье и Приамурье, оставаясь политически в составе Российской Федерации, в рамках экономической системы АТР функционируют как части хозяйственного организма Китая.* Думаю, при такой постановке вопроса необходимость осмысления политических последствий “самореализующегося” сценария интеграции в АТР должна выглядеть более актуальной, чем принято думать в среде наших политиков, судя по их речам и заявлениям⁴.

Потребность в осмыслении вектора интеграции восточных регионов России тем острее, чем реальнее разработка газовых и нефтяных проектов Восточной Сибири и начало сооружения масштабных трубопроводных систем транспортировки энергоносителей в направлении восточных соседей России. До недавнего времени существовало два конкурирующих плана сооружения трубопроводов к Находке (с перспективой экспорта в Японию) или Дацину (в КНР). Принятые зимой 2003 г. решения российской стороны об отказе от строительства ветки на Дацин, похоже, означают

³ Тема китайской миграции в России исследуется довольно давно и подробно. См., например: Гельбрас В.Г. Китайская реальность России. М., 2001, а так же публикации известного дальневосточного востоковеда В.Л. Ларина и др. По оценкам дальневосточных авторов, пользующихся официальной статистикой, численность китайцев на российском Дальнем Востоке составляет около 25 тыс. человек. По более убедительным расчетам ведущего Китаевода А.Д. Воскресенского (Родная газета. 16.05.2003.), который пользуется методом сопоставления данных В.Г. Гельбраса и В.Л. Ларина, по 25 тыс. китайцев приходится в среднем на каждый крупный российский дальневосточный город.

⁴ Зарубежные специалисты оценивают влияние России на региональные процессы настолько низко, что дело доходит до курьезов: в 2002–2003 гг. в ведущих исследовательских центрах США было сформировано несколько проектов исследований АТР, в которых вообще не предусматривались главы и разделы по России. Зарубежные коллеги рассматривают энергосырьевые запасы Сибири как “стратегический резерв” регионального развития, но анализировать политическую роль России им кажется излишним.

выбор Москвы в пользу сотрудничества с Японией, хотя насколько окончательно такое решение, можно усомниться. Как бы то ни было, любой из двух планов должен способствовать ускорению интеграции восточных регионов России в азиатско-тихоокеанское экономическое пространство. В том же направлении будет действовать и реализация проектов экспорта энергоресурсов с шельфа острова Сахалин, потребителями которых стремятся стать японские и американские компании.

Ключевой политической вопрос прогнозного сценария – сможет ли и попытается ли Москва превратить экспорт энергоресурсов в государства АТР не просто в инструмент обогащения российских и иностранных корпораций, а еще и в средство “сильной” государственной политики, вырабатываемой на основе сотрудничества частного коммерческого сектора и политической власти страны с учетом интересов дальневосточных территорий?

IV

Формировать разумную политику в отношении российского Дальнего Востока сегодня сложно, как никогда, еще и оттого, что на глазах устаревают, “расползаются”, привычные представления о том, что такое сегодня Восточная Азия, к северной части которой относятся российские дальневосточные регионы. Геополитическая карта региона за прошедшие полтора десятилетия тоже стала иной, и российский Дальний Восток перестал быть, как раньше, главным внешнеполитическим и внешнеэкономическим форпостом России в Восточной Евразии.

Во-первых, распад СССР и образование группы независимых стран в Центральной Азии создали в этой части мира новый важный узел многосторонних взаимоотношений России с Китаем и четверкой центральноазиатских государств (Казахстаном, Киргизией, Узбекистаном и Таджикистаном). Региональная проблематика российско-китайских отношений перестала ассоциироваться только с положением в Приморье и Приамурье. Сынцзян вернул себе роль важной контактной зоны КНР с внешним миром, которую он долгое время не выполнял, и которую после Второй мировой войны в большей степени выполняли в отношениях с Россией северо-восточные провинции Китая (историческая Маньчжурия). Сегодня прямые связи с Китаем стремятся развивать едва ли не все сибирские регионы России – от Томской области и Алтайского края до Иркутской и Читинской областей, а также Бурятия.

Во-вторых, в 2001–2002 гг. Соединенные Штаты создали свои опорные базы в Киргизии и Узбекистане. Более заметной стала заявка Узбеки-

стана на положение “стратегического квазипартнера” США после того, как в Ташкенте в марте 2003 г. побывал с официальным визитом министр обороны США Д. Рамсфелд. В известном смысле США стали центральноазиатской державой, то есть в том смысле, что прежде они фактически являлись державой, скажем, восточноазиатской или ближневосточной. Соответственно, внимание Москвы в большей степени стало отвлекаться от дальневосточных регионов, бывших, по крайней мере, с 70-х годов основными, если не единственными, зонами непосредственного сотрудничества российско-американских стратегических интересов в Азии.

В-третьих, сам Китай с возникновением феномена американского военного присутствия в “стратегическом тылу” КНР был вынужден пересмотреть представления о возможных стратегических вызовах для себя с материкового направления. Если прежде основным источником потенциальной опасности в КНР считался конфликт вокруг Тайваня на юге или столкновение с Россией на севере, то после 2001 г. зоной стратегического внимания стала Центральная Азия – уже не только под углом зрения возможных всплесков в этом регионе исламского терроризма и сепаратизма. Концентрация стратегического внимания Пекина на российских дальневосточных территориях уменьшилась, а сами они стали рассматриваться в более сложном и широком контексте.

Безопасность КНР больше не видится, как это было до конца 90-х годов, главным образом через призму соотношений военно-морских сил КНР, США и России, отношений Китая с Японией и малыми средними странами АТР, а также проблемы Тайваня. Вопросы стабильности у западных и северо-западных границ континентального Китая, рядом с которыми стали закрепляться Соединенные Штаты, стали такой же важной частью повестки дня китайской политической стратегии, какой были проблемы защиты морских границ Китая или его границ с Россией и Монголией.

Фактически в Восточной Евразии произошел геополитический сдвиг, который выразился в появлении феномена “Большой Восточной Азии” или, пользуясь аналогиями с Европой, региона “Центрально-Восточной Азии” подобно тому, как распад социалистического содружества в Европе в начале 90-х годов вылился в появление “Центрально-Восточной Европы”. В военно-политическом и политическом отношениях этот новый геополитический район включает в себя как зоны прибрежной и островной Тихоокеанской Азии, так и глубинные материковые пространства внутреннего Китая и сибирских регионов России с выходом к восточным степным и горным массивам Казахстана, Киргизии и таджикского Памира.

Осмысление этого сдвига под углом зрения интересов развития российского Дальнего Востока, потребует времени и приложения интеллектуальных усилий многих экспертов. На уровне региональных отношений в Центрально-Восточной Азии (ЦВА) возникает весьма своеобразная комбинация двух группировок. На востоке, в прибрежной зоне – два перекрещивающихся двусторонних союза США с Японией и Южной Кореей. На западе, в материковой зоне – Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), куда входят КНР, Россия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан. Рядом с ней – Организация договора коллективной безопасности (ОДКБ) в составе России, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Белоруссии и Армении.

При этом, с учетом факта военного присутствия США на территориях Узбекистана и Киргизии, оказывается, что Соединенные Штаты – как ни странно это выглядит – косвенно причастны к структурам как ШОС, так и ОДКБ, хотя юридически эта их причастность никак не регламентирована. Фактор американского влияния на региональные проблемы, таким образом, в масштабах всей Восточной Евразии приобретает более универсальный актер. При этом Вашингтон пока не огласил никакой ясной концепции своей политики в материковой части ЦВА.

Американские эксперты склонны рассматривать интересы США в этой части мира под углом зрения важности потенциальных энергоресурсов центральноазиатских стран для американской экономики в первой половине наступившего века. Общий мотив исследований на эту тему – ожидание вспышки российско-американских и китайско-американских противоречий из-за контроля над этими потенциальными ресурсами, транспортировку которых западные специалисты считают целесообразной в западном и южном направлениях, то есть не через восточные регионы России или территорию Китая. На фоне таких расчетов, трудно ожидать в ближайшие годы возрастания роли российских регионов Дальнего Востока в повестке дня международных отношений сильных держав. Речь идет, скорее, о том, что можно будет приостановить падение их значения лишь в том случае, если начнется осуществление проекта строительства трубопровода Ангарск–Находка.

Между тем угадывается негласное взаимопонимание между США и Японией по поводу того, что Вашингтон больше заинтересован в энергоресурсах Центральной Азии, а Япония – Сибири. Япония при этом фактически обрекается на конкуренцию из-за сибирских энергоресурсов с Китаем – вот почему, по всей видимости, американские эксперты склонны ожидать обострения конкуренции США и России из-за центральноазиатских ресурсов. Фактор конкуренции США из-за этих ре-

сурсов с Китаем недооценивается, хотя, если Пекин лишится надежд на доступ к ресурсам Сибири, с его стороны будет логично обратить внимание на энергозапасы западных соседей.

Кроме того, неопределенность ситуации заключается в том, что собственно энергетические ресурсы Центральной Азии сосредоточены в ее западных зонах, экономически и стратегически “тяготеющих” к Каспийско-Кавказскому ареалу, а вызовы для региональной безопасности (они ассоциируются при этом преимущественно с исламским радикализмом, сепаратизмом и наркотрафиком) возникают скорее в восточных районах прежней Центральной Азии. *Складывается парадоксальная ситуация: геоэкономические тенденции в регионе индуцируют потенциальные конфликты и противоречия между Россией, США, Китаем по поводу энергоресурсов, а геополитические – подталкивают их к взаимному сотрудничеству, поскольку исламский терроризм и наркотрафик – общие враги для всех заинтересованных в регионе государств, как сильных, так и более слабых.*

Таким образом, едва начав формироваться новый геопространственный регион Центрально-Восточной Азии обнаруживает признаки структурного надлома, который может задевать интересы такого важного конструирующего это пространство государственного звена как Казахстан, безопасность которого в современных условиях, подобно безопасности КНР и России, зависит теперь в равной степени от стабильности как в традиционной Восточной, так и в традиционной Центральной Азии.

Что сказанное означает непосредственно для дальневосточных районов Российской Федерации? Думаю, их положение осложняется. Внимание Москвы объективно может в обозримой перспективе еще больше отвлекаться от дальневосточных проблем из-за неопределенности ситуации в Центральной Азии. Обстановка в этой части мира может быстро меняться в зависимости от того, какую линию (более осторожную, или более бесцеремонную) станет проводить в ней Вашингтон после предстоящих в ноябре 2004 г. президентских выборов.

Особое беспокойство предполагаемое падение интереса федеральной власти к РДВ вызывает потому, что сохранение дальневосточных регионов на роли маргинальных в системе приоритетов российской государственной политики обрекает их на дальнейшее “утопание” в экономических устремлениях сопредельных, более сильных, государств и развитие по тем траекториям, которые выгодны не самой России, а ее внешним партнерам. Нормализация экономического положения и социально-политической ситуации в российских регионах к востоку от Урала представляется зада-

чей более важной, чем маневрирование даже в таких традиционно значимых регионах как Кавказ и Центральная Азия. Именно Сибирь с Дальним Востоком представляют собой стратегический тыл и резерв, опираясь на который Россия только и может рассчитывать на процветание в XXI в. Геопространственные сдвиги усложняют задачи рационализации российской дальневосточной политики, создавая вероятность отвлечения от Дальнего Востока необходимых для его развития государственных и негосударственных ресурсов.

* * *

В 2003 г. американские исследователи К. Гэджи и Ф. Хилл выпустили в США любопытную книгу о Сибири. Помимо прочего, в ней говорится о том, что развитие Сибири в течение многих лет требовало от России больших вложений, и эти затраты, отвлекая крупные бюджетные средства, тормозили и продолжают тормозить модернизацию России. В книге встречается по-своему точное, хотя и фигуральное, выражение – “налог на Сибирь”⁵, то есть “налог” на владение восточными регионами Российской Федерации, под которым как раз и понимается необходимость перераспределения части госбюджета на поддержание систем жизнеобеспечения сибирских городов России.

⁵ Hill F., Gaddy C. The Siberian Curse. How Communist Planners Left Russia out in the Cold. Wash., 2003. См. также критический разбор этой книги С.И. Луневым в журнале “Международные процессы”. 2004. № 1.

Исторически “Европейская” Россия, в самом деле, тратила огромные средства на освоение России “Азиатской”. Но это уже давно не так и это будет категорически не так в ближайшие годы. Восточные энергоресурсы – основа будущего развития страны. Сегодня они во многом питают те самые “нефтяные доходы”, которые позволяют двум десяткам российских граждан пребывать в списке самых богатых людей мира. Не европейская Россия кормит Сибирь, а восточные районы наполняют бюджет Федерации.

Миф о “налоге на Сибирь”, непроясненность реальных соотношений затрат и прибылей от разработки ресурсов восточных регионов России позволяют сохранять фактический теневой статус механизма обогащения российских нефтяных и газовых корпораций и мешают выработке четкой государственной политики, направленной на преодоление хронической бедности жителей азиатской части России.

Если “сибирско-дальневосточный налог” не изыск фантазии, а естественная дань, которую надо платить, то его необходимо легализовать, точно просчитать и исправно платить – прежде всего из тех скрывааемых сверхприбылей, которыми питается сегодня нефтяной и газовый сектор. Таким образом, или наше поколение сохранит за Россией шансы стать великой державой, или оно будет продолжать своими руками готовить превращение сибирско-дальневосточного региона в часть мировой экономики в целом, но не в часть России, то есть дальневосточные ресурсы будут обслуживать интересы России во вторую и третью очередь – “по остаточному принципу”.